ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1898 г.

стр.

I. Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). I—V. **И. Н. Потапенко** 419

II. Воспоминанія **Константина Карловича Жерве.** XIII—XIV. (Продолженіе). 450

III. Позднее счастье. (Изъ воспоминаній). **В. Е. Томилина** 502

IV. Воспоминанія **Екатерины Ивановны Раевской.** I—V. 523

V. Памятный крещенскій сочельникъ. (Страничка изъ семейной жизни). **К. Икскуль** 557

VI. Карлъ Карловичъ Мердеръ. (Воспитатель императора Александра Николаевича). **Г. П. Анненкова** 578

Иллюстраціи: 1) Надгробная плита на могилѣ К. К. Мердера въ Римѣ.— 2) Памятникъ на могилѣ К. К. Мердера на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

VII. Мои педагогическія разочарованія. (1866—1868 гг.). (Отрывокъ изъ воспоминаній). II. (Окончаніе). **П. Н. Полевого** 617

VIII. Изъ замѣтокъ присяжнаго засѣдателя. XIII—XXV. (Окончаніе). **Н. Н. О.** 639

IX. Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). I—VII. **А. В. Круглова** 664

Иллюстраціи: 1) Фрязиново.—2) Турундаево.—3) Рабанга на Сухонѣ.— 4) Село Кубенское.

X. Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ. **Н. Писаревскаго.** 689

Иллюстрація: Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ.

XI. Новорожденный мессіанизмъ страны доллара и Старый Свѣтъ. (Соціологическій очеркъ). **Евгенія Правдина.** 704

XII. Яковъ Петровичъ Полонскій. (Некрологъ). 722

Иллюстрація: Яковъ Петровичъ Полонскій.

XIII. Общественныя язвы и борьба съ ними. **Б. Б. Глинскаго** 734

XIV. Сочиненія Вильяма Кокса о Россіи. **Н. Викторова** 778

XV. Критика и библіографія. 788

1) Н. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844 гг.). Спб. 1898. **С.** — 2) Изданіе Симбирской губернской архивной комиссіи: 1) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. 2) Его же. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Историко-статистическій очеркъ. 3) В. Н. Поливановъ и В. Э. Красовскій. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Томъ II. 4) В. Холмогоровъ. Матеріалы для исторіи Симбирскаго края до второй половины XVIII вѣка. Симбирскъ. 1898. Изданія правителя дѣлъ той же комиссіи Д. И. Сапожникова: 1) Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова. 2) А. Я. Шубинъ. Историческая замѣтка. 3) Письма восточныхъ іерарховъ (первая половина XVIII вѣка). Симбирскъ. 1898. **М. С—каго.**—3) В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898. **Г. Т.** — 4) Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1893. (Библіотека для самообразованія. XII). **П. Щ.** — 5) Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Про-

См. слѣд. стр.

БИБЛІОТЕКА
3 ДЕК 1898
Высшаго обществ. собранія.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЕВСКОЙ.

I.

Мой отецъ и мать.—Дядя князь П. Н. Оболенскій.—Дядя Д. А. Новосильцовъ.—Бабушка В. И. Бибикова.—Е. Е. Давыдова.—А. П. Бибиковъ и его семейство.—Г. И. Бибиковъ.—Разсказы моего отца про свое дѣтство.

ТЦА МОЕГО звали Иваномъ Петровичемъ Бибиковымъ. Матушка моя, Софья Гавриловна, была также рожденная Бибикова, но не родня отцу, хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій [1]).

Матушка моего отца, Варвара Александровна, была родомъ Новосильцова, а бабушка его — рожденная княжна Оболенская, потому Новосильцовы и князья Оболенскіе считаются намъ родственниками.

Дядю моего отца, князя Петра Николаевича Оболенскаго, я еще видала у насъ въ дѣтствѣ своемъ, и къ нему насъ, дѣтей, возили. У него былъ свой большой домъ въ Москвѣ, на Новинскомъ бульварѣ.

Это былъ старичекъ небольшого роста, съ высокимъ лбомъ, зачесанными назадъ, напудреными бѣлыми волосами, умными голубыми глазами, любезный, веселый и рѣзвый, несмотря на его преклонныя лѣта.

Другой дядя моего отца, братъ его матери, Дмитрій Александро-

---

[1]) Смотри «Родословную семейства Бибиковыхъ» въ приложеніи къ этимъ воспоминаніямъ.

вичъ Новосильцовъ, былъ совершенною противоположностью князю Петру Николаевичу Оболенскому. Высокаго роста, широкоплечій, довольно тучный, онъ держалъ себя съ прирожденнымъ достоинствомъ, былъ ума серьезнаго, почти суроваго и строгаго, хотя привѣтливъ къ намъ, дѣтямъ.

Длинные, бѣлые, напудренные волосы окаймляли его красивое, съ правильными чертами старческое лицо и падали почти до плечъ, глаза его были черные, строгіе. Онъ былъ замѣчательно умнымъ человѣкомъ. Смерть единственнаго сына, убитаго на дуэли, разбила его жизнь и, вѣроятно, наложила печать на всю его внѣшность.

Варвара Александровна Бибикова была женщина богомольная, въ духѣ прошлаго столѣтія. Она, говорятъ, обѣдни и всенощныя выстаивала въ Москвѣ въ церкви Василія Блаженнаго, надѣвъ на плечи желѣзныя вериги этого святого угодника. Эти вериги до сихъ поръ хранятся въ храмѣ, во имя его построенномъ; я ихъ тамъ видѣла. Ни одна изъ насъ, современныхъ женщинъ, обѣими руками не была бы въ состояніи ихъ поднять.

Бабушка Варвара Александровна скончалась въ 1787 году, нѣсколько дней спустя послѣ рожденія моего отца, который былъ восьмимѣсячнымъ недоноскомъ. Первое время его завертывали въ мѣховое одѣяло, а подъ одѣяло подкладывали грѣтые кирпичи. Несмотря на то, что, по мнѣнію врачей, восьмимѣсячные недоноски жить не могутъ, отецъ мой выросъ, былъ крѣпкаго сложенія, обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ и до старости былъ неутомимъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ.

По кончинѣ жены, дѣдушка Петръ Петровичъ Бибиковъ уѣхалъ за границу. Новорожденное дитя осталось на попеченіи родного дѣда Петра Ивановича Бибикова. И любилъ и баловалъ же его этотъ дѣдъ! Отецъ мнѣ разсказывалъ, что у него, у маленькаго, были три крѣпостныя няньки, которыя, кушалъ ли барченокъ или что другое дѣлалъ, безъ устали передъ нимъ плясали. Вздумаетъ барчукъ прокатиться, запрягаютъ ему линейку, гдѣ онъ съ няньками усаживается, а около него скачутъ верховые, вооруженные арапниками и длинными пиками, и по деревнѣ то дразнятъ пиками дворныхъ собакъ, то арапниками хлещутъ все и вся, что ни попадется на глаза, чтобъ забавить этимъ дитё. Наскучитъ и это барчуку.

— Дѣдушка! — кричитъ мальчикъ.—Дѣдушка! хочу, чтобъ тебя водой окачивали!

И дѣдушка-старикъ, во всякую погоду, становится у колодца: лакеи изъ колодца его окачиваютъ холодной водой, а мальчикъ хохочетъ, глядя, какія гримасы корчитъ продрогшій баловникъ-дѣдушка.

Не понимаю, какъ при такомъ воспитаніи могъ выработаться образованный, гуманный человѣкъ, какимъ былъ мой отецъ. Онъ владѣлъ грамотно-литературнымъ русскимъ и французскимъ язы-

комъ, отличался лоскомъ лучшаго общества и тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Полагаю, что онъ этимъ обязанъ возвращенію отца своего изъ-за границы и второму его браку. Мачиху свою Екатерину Евдокимовну, рожденную Давыдову [1]), отецъ мой любилъ и почиталъ, какъ родную мать: она же вполнѣ была достойна этой любви и уваженія. Женщина умная и добрая, она пеклась о пасынкѣ, какъ о родномъ сынѣ: своихъ дѣтей у нея не было. Мужъ ея, занятый болѣе путешествіями за границу и ведя жизнь роскошную знатнаго барина тогдашняго времени, оставилъ послѣ себя дѣла въ жалкомъ положеніи. Мачиха моего отца, разсудительная, умная и честная женщина, стала приводить въ порядокъ дѣла мужа, не щадя и собственнаго состоянія для уплаты его долговъ. Батюшка это видѣлъ и вполнѣ цѣнилъ. Когда ему минуло семнадцать лѣтъ, онъ въ одно прекрасное утро продалъ за сто тысячъ тѣ пятьсотъ душъ, что наслѣдовалъ отъ родной матери Варвары Александровны, привезъ эти деньги мачихѣ и отдалъ ей.

— Матушка,—сказалъ онъ,—я поступилъ въ военную службу. Уѣзжаю офицеромъ на Кавказъ. Меня тамъ, можетъ быть, убьютъ. Мнѣ ничего не нужно. Я продалъ имѣніе. Вотъ вамъ деньги.

Екатерина Евдокимовна расплакалась и горячо обняла его.

— Иванъ Петровичъ! — сказала она рыдая, — сынъ мой! Все, что мое, будетъ твое.

Когда отецъ женился, Екатерина Евдокимовна полюбила матушку мою, какъ родную дочь; часто со слезами разсказывала она ей вышеописанную трогательную сцену; отъ матери мы не разъ о ней слыхали, поэтому могу, не ошибаясь, слово въ слово ее здѣсь записать.

Несмотря на разницу лѣтъ, матушка со свекровью были искренними друзьями. Во все время послѣдней болѣзни Екатерины Евдокимовны, продолжавшейся нѣсколько недѣль, матушка день и ночь за ней ходила и, вмѣстѣ съ благословеніемъ, приняла ея послѣдній вздохъ. Это было за нѣсколько дней до рожденія моей меньшей сестры Елисаветы.

Екатерина Евдокимовна не забыла обѣщанія, даннаго ею пасынку. Она, по завѣщанію, оставила ему свое имѣніе Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, село Сергіевское [2]), куда мы переселились нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти.

Братъ моего дѣда, Петра Петровича, Александръ Петровичъ Бибиковъ, раздѣляя вкусы брата, такъ же, какъ и онъ, жилъ роскошно, ѣздилъ за границу, гдѣ покупалъ картины лучшихъ мастеровъ и составилъ себѣ цѣлую галлерею. И онъ такъ же, какъ и

---

[1]) Тетку поэта и партизана Дениса Давыдова.

[2]) По дарственной отъ отца моего принадлежитъ теперь моему племяннику Гавріилу Ильичу Бибикову, сыну брата моего Ильи Ивановича (1895 г.).

братъ, разорился; умирая оставилъ молодую вдову, двухъ дочерей, Марью и Софью, и малолѣтняго сына Виктора въ плачевномъ состояніи. Но молодая вдова такъ же, какъ и Екатерина Евдокимовна, принялась энергично за дѣло, распродала всѣ картины, роскошныя колекціи мужа, даже дорогіе паркеты его дома и расплатилась со всѣми кредиторами. Посвятивъ всю жизнь дѣтямъ, она скромно жила то въ деревнѣ, то въ отдаленномъ кварталѣ города Москвы[1]) и сумѣла составить дѣтямъ независимое состояніе. Старшую дочь, Марію, при выходѣ ея замужъ за князя Хованскаго, наградила крупнымъ капиталомъ. Сынъ ея, Викторъ Александровичъ Бибиковъ, сначала служилъ въ гвардіи, потомъ былъ шталмейстеромъ при дворѣ императора Александра II. Онъ получилъ отъ матери отличное состояніе, которое даже увеличилъ, хотя, унаслѣдовавъ вкусы отца, ѣзжалъ за границу и составилъ себѣ богатую коллекцію картинъ, которыя, умирая холостымъ, завѣщалъ императорскому дому[2]).

Отецъ мой, будучи на шестнадцатомъ году круглымъ сиротою и владѣя собственнымъ хорошимъ состояніемъ, былъ свободенъ дѣлать все, чего бы ни захотѣлъ. Мачиха руководила имъ только вліяніемъ любящаго сердца. Часто ѣзжалъ онъ тогда къ моему дѣду по матери, Гавріилѣ Ильичу Бибикову, о которомъ буду говорить ниже.

Гавріилъ Ильичъ не былъ родственникомъ моему отцу[3]), но очень любилъ его, цѣня въ этомъ юношѣ, почти мальчикѣ, природный, образованный умъ и благоразуміе не по лѣтамъ.

— Какъ жаль,—говаривалъ Гавріилъ Ильичъ,—что Иванъ Бибиковъ такъ молодъ! Если бъ не его лѣта, я былъ бы очень радъ, если бъ одна изъ моихъ старшихъ дочерей вышла за него замужъ.

Прибавлю, что самъ Гавріилъ Ильичъ и жена его, моя бабушка, были очень разборчивы на жениховъ для дочерей своихъ. Во время этихъ посѣщеній отецъ мой, съ самаго юношества, страстно влюбился въ мою мать, вторую дочь Гавріила Ильича, но жениться на

---

[1]) Матушка насъ къ нимъ возила. Дочь ея Софья была замѣчательная бѣлокурая красавица. Она скончалась въ молодыхъ годахъ дѣвицей.

[2]) Другихъ близкихъ родныхъ у моего отца не было; были троюродные дяди, которыхъ я знала, помѣщики Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, почтенныя личности, но они скончались, не оставивъ мужскаго потомства, кромѣ внука Павла Матвѣевича, холостого.

Есть еще въ томъ же уѣздѣ два брата: всѣми почитаемый Иванъ Павловичъ Бибиковъ, бывшій много лѣтъ предводителемъ дворянства, дальній родственникъ моего отца, и братъ его Александръ Павловичъ, оба пожилые холостяки. Другихъ родственниковъ Бибиковыхъ не знавала. Былъ Бибиковъ, Василій Ивановичъ, въ Енифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, но скончался; сыновей не оставилъ. У брата же его Дмитрія Ивановича одинъ сынъ Михаилъ, а у него сынъ Дмитрій, женатый на Болотовой.

[3]) Хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій: Жидимиръ, изъ князей Синей Орды.

ней удалось ему только въ 1814-мъ году, по окончаніи войны съ Наполеономъ. Въ этой войнѣ такъ же, какъ и въ турецкой кампаніи, участвовалъ мой отецъ, будучи адъютантомъ генерала Тормазова. Тутъ же былъ онъ ядромъ сильно контуженъ въ ногу.

Отецъ въ старости любилъ разсказывать про свое дѣтство, а мы любили его слушать.

«Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ», говорилъ онъ, «я наслѣдовалъ послѣ отца мальтійскій орденъ, пожалованный ему императоромъ Павломъ Петровичемъ [1]). Вотъ и вздумалось мнѣ пощеголять: надѣлъ красный мальтійскій мундиръ, орденъ и отправился на балъ. Отплясываю тамъ во всю мочь». (Танцовалъ мой отецъ очень хорошо, и всѣ въ то время молодые люди). «Вдругъ слышу, кто-то изъ гостей говоритъ:

— «Смотри-ка, смотри-ка! какъ этотъ красный-то, красный-то ногами что выкидываетъ! Словно бѣсъ какой!

«Ну-съ, съ тѣхъ поръ баста! краснаго мундира больше не надѣвалъ!»

— Разскажите, папа́, какъ вы у мачихи своей жили?

«Со мной»,—сказалъ отецъ,—«воспитывались племянники моей мачихи, Давыдовы [2]), и братъ мой двоюродный, Петръ Бибиковъ [3]). Петръ не отличался умственными способностями, но былъ добрый малый; Давыдовы же были умницы. Бѣдный Петръ часто страдалъ отъ нашихъ насмѣшекъ. Разъ, шутки наши и шалости едва не кончились трагически. Вздумали мы Петра повѣсить на люстрѣ въ большой залѣ, куда рѣдко кто заходилъ. Уговорили его; привязали веревку къ люстрѣ, а на другомъ концѣ ея сдѣлали петлю; петлю надѣли Петру, на шею, а подъ ноги подставили ему высокую скамью.

«Вдругъ слышимъ шаги въ коридорѣ. Мы испугались, Давыдовы и я бросились бѣжать. Повѣшенный также испугался, хотѣлъ соскочить; скамейка опрокинулась, онъ повисъ на веревкѣ! Къ счастью, шаги приблизились, вошелъ нашъ дядька и вынулъ изъ петли Петра уже посинѣвшаго и почти потерявшаго сознаніе.

«Этотъ же дядька съ нами бѣдовую шутку было сыгралъ. Мы, потихоньку отъ мачихи, хаживали въ деревнѣ на охоту съ ружьемъ, а порохъ лѣтомъ прятали въ печкѣ, у себя въ флигелѣ. Однажды, вечеромъ, мы уже легли спать, но, къ счастью, не успѣли еще заснуть. Видимъ, крадется дядька со свѣчей къ печкѣ и ворчитъ про себя.

— «Повѣсы! шалуны! задамъ вамъ потихонько отъ барыни на

---

[1]) Въ то время мальтійскій орденъ, послѣ смерти отца, переходилъ по наслѣдству старшему сыну.

[2]) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, извѣстный партизанъ 1812 г., и братья его Левъ Васильевичъ и Евдокимъ Васильевичъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, раненый на войнѣ, остроумнѣйшій человѣкъ своего времени.

[3]) Убитъ подъ Бородинымъ, еще молодымъ человѣкомъ, холостымъ.

охоту ходить! Подпалю вашъ проклятый порохъ! Нечѣмъ вамъ будетъ ружья-то заряжать!

«Самъ несетъ поджижки, суетъ ихъ въ печку, гдѣ боченокъ съ порохомъ стоитъ, а свѣчу подноситъ къ поджижкамъ... Мы только успѣли съ кроватей повскакать, да свѣчу его затушить. А онъ на насъ пуще ругается.

— «Дуракъ! что ты дѣлаешь? Вѣдь ты насъ, и себя, и весь флигель разнесъ бы? Хорошо, что мы услыхали твое ворчанье.

«Когда онъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, то затрясся всѣмъ тѣломъ.

— «Голубчики! только барынѣ обо мнѣ не сказывайте! а сами стрѣляйте сколько угодно; я никому про то не скажу».

— Папа́! разскажите еще что нибудь про ваши проказы.

«Ужъ подлинно—проказы! Разскажу вамъ, какъ я напугалъ старую барышню Х***. Повадилась она въ Москвѣ ѣздить къ мачихѣ моей и надоѣдать намъ своими нравоученіями. Пріѣзжаетъ она разъ весной, сидитъ у матушки, а запряженная карета на дворѣ у насъ стоитъ. Лошадей привязали возлѣ сарая, лакей съ кучеромъ ушли въ людскую. Я этимъ воспользовался, залѣзъ въ карету. Тогдашнія кареты были просторныя, не то, что нынѣшнія, а подъ сидѣніемъ бывало пустое мѣсто, въ родѣ ящика, куда клали клажу и провизію съѣстную на дорогу. Я забился въ это пустое мѣсто и жду. Вотъ слышу—подаютъ карету; ѣдетъ старая дѣвка домой. Я немного подождалъ, пока не выѣдутъ на людную улицу: тутъ сталъ кричать не своимъ голосомъ: Батюшки! задавили! задавили!

«Старуха дергаетъ шнурокъ, что привязанъ къ рукѣ кучера.

— «Стой! стой!—кричитъ.

«Останавливаютъ карету, лакей слѣзаетъ съ запятокъ.

— «Что вы глядите, ротозѣи?—сердится барыня. — Мы кого-то задавили!

— «Никого нѣтъ-съ, сударыня! Никого не задавили.

«Поѣхали. Какъ отъѣхали нѣсколько шаговъ, я опять кричу:

— «Батюшки! задавили!

«Барыня бросается къ окну, опускаетъ его, зоветъ людей. Опять останавливаются, смотрятъ подъ каретой, вездѣ—нѣтъ никого. И такъ разъ десять, пока не доѣхали до ея дома, повторялась та же комедія. Повѣришь ли? Вѣдь старуху полу-мертвую изъ кареты на рукахъ вынесли! Она была увѣрена, что нечистая сила надъ ней подшутила; такъ при этомъ и осталась, никогда правды не узнала».

Отецъ не терпѣлъ лгуновъ, а особенно лгуновъ-хвастуновъ; за эти два качества досталось отъ него троюродному брату, имя и фамилію котораго позабыла. Это было еще до отъѣзда отца на Кавказъ, въ царствованіе Павла Петровича, когда все трепетало, не

только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ отецъ тогда жилъ. Пріѣзжаетъ къ нему нашъ хвастунъ. Отецъ прикидывается очень озабоченнымъ: задумчивый и нахмуренный ходитъ по комнатѣ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ гость.

— До вотъ, братецъ, пишутъ мнѣ изъ Петербурга: на достроенномъ недавно Исакіевскомъ соборѣ надпись нашли. Умно-то, очень умно написано, да что изъ этого будетъ?

— А что написано?

Двухъ царствіевъ се памятникъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ—кирпичный.

— Знаютъ, кто написалъ [1])?

— Нѣтъ, не знаютъ, а должно быть—умница!

— Хочешь, я скажу тебѣ, кто сочинилъ?—говоритъ нашъ хвастунъ.

— А кто?

— Я!

— Ахъ, ты, враль! дуракъ! — перемѣнивъ тонъ, говоритъ ему отецъ.—А знаешь ли ты, что приказано сдѣлать съ авторомъ, если его найдутъ?

— Что?

— Языкъ отрѣзать и правую руку, и сослать въ Сибирь.

Хвастунъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, на мѣстѣ присѣлъ, съ нимъ сдѣлалось дурно... Отецъ принужденъ былъ стащить его къ себѣ на кровать: оттуда его еле-живого отвезли домой.

Отецъ разсказывалъ намъ также о впечатлѣніи, произведенномъ въ Москвѣ извѣстіемъ о кончинѣ Павла I.

«Ничего еще не знаю, иду я по улицѣ,—говорилъ онъ, вижу, летитъ мнѣ навстрѣчу, стоя на дрожкахъ, на всѣхъ рысяхъ, знакомый господинъ, машетъ мнѣ шапкой и кричитъ, что есть мочи:

— «Императоръ умеръ!

— «Ты съ ума сошелъ!—говорю.—Что ты кричишь!

— «Ничего! ничего! правда! правда!

«Въ домахъ, на улицахъ обнимали другъ друга съ радостными слезами».

Не то было при кончинѣ Александра I Благословеннаго. Я была тогда еще ребенкомъ, но видѣла, какъ отецъ и мать плакали съ горя, и каково было всеобщее уныніе. Не то было при кончинѣ Николая I, который оплаканъ былъ многими, ему преданными и близко

---

[1]) Настоящій авторъ этого двустишія остался неизвѣстнымъ, но былъ заподозрѣнъ одинъ господинъ, имя котораго я позабыла. Ему отрѣзали языкъ и сослали въ Сибирь, откуда онъ былъ возвращенъ при вступленіи на престолъ Александра I. Отецъ мой часто видалъ этого несчастнаго въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ. У него на шеѣ висѣла аспидная доска и грифель. На этой доскѣ онъ писалъ свои отвѣты во время разговора.

его знающими [1]). Не то было при кончинѣ Александра II Освободителя: въ Москвѣ, въ домахъ, въ церквахъ, на улицахъ, плакали навзрыдъ. Не то было при кончинѣ Александра III Миротворца, оплаканнаго не только всей Россіею, но и всей Европой [2]). То были воистину цари народа русскаго, о которомъ говоритъ Достоевскій въ предсмертномъ «Дневникѣ» своемъ отъ 1-го января 1881 года: «Есть у него (у народа русскаго) только—Богъ и царь,—вотъ этими двумя силами и двумя великими надеждами онъ и держится».

II.

Любовь моего отца къ изящному.—Стихотворенія отца.—Князь М. Д. Горчаковъ.—Д. В. Давыдовъ.—Камердинеръ отца Латуръ.—Посылка отца курьеромъ.—Императоръ Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна.—Императрица Александра Ѳеодоровна.—Баронъ Мирбахъ.—Императоръ Николай I.

Бибиковы, изъ семьи моего отца, были всѣ бѣлокурые, съ голубыми глазами и не отличались особенной красотой. У отца моего было лицо пріятное, выражающее благородство его души, умъ и доброту, красавцемъ же его назвать было нельзя. Всѣ же Бибиковы, его семьи, были, безъ исключенія, образованы, умны, обладали тонкимъ пониманіемъ изящнаго и любовью къ искусству, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Дѣдъ мой по отцу, Петръ Петровичъ, и братъ его Александръ Петровичъ Бибиковы много путешествовали по Европѣ, откуда вывезли замѣчательныя галереи картинъ, въ числѣ которыхъ были Рембранты, Ванъ-Дейки, Рубенсы и другія произведенія знаменитыхъ мастеровъ [3]). Колыбель моего отца стояла въ этой галереѣ, и съ колыбели, можно сказать, развился у него вкусъ къ изящному. Онъ сталъ замѣчательнымъ знатокомъ въ картинахъ, и стоило ему одного взгляда, чтобы опредѣлить имя живописца, къ чьей кисти картина принадлежитъ. Впослѣдствіи отецъ выстроилъ въ имѣніи матери моей, Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Михайловскомъ, большой, красивый домъ и въ немъ картинную галерею, гдѣ помѣщались произведенія хорошихъ мастеровъ [4]).

---

[1]) Я свидѣтельница тому, какъ свѣтлѣйшій князь Александръ Карловичъ Ливенъ и жена его Екатерина Никитична, рожденная Панкратьева, дочь Анны Гавриловны, сестры моей матери, оба съ горя занемогли и долго были больны.

[2]) О томъ свидѣтельствуютъ письма, полученныя мной изъ-за границы.

[3]) Послѣ ихъ смерти картины были распроданы. Въ 1840-хъ годахъ я видѣла нѣкоторыя изъ нихъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ деревнѣ, въ домѣ Николая Семеновича Мосолова, извѣстнаго знатока въ живописи, дѣда академика—гравера Мосолова. Между прочимъ былъ Купидонъ Ванъ-Дейка.

[4]) О селѣ Михайловскомъ и картинной галереѣ буду говорить ниже.

Кромѣ любви къ живописи, отецъ понималъ музыку, обладалъ голосомъ и отличнымъ слухомъ. Любилъ въ досужее время писать стихи, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ. Въ «Посланіи» къ дядѣ Ильѣ Гавриловичу Бибикову [1]), брату моей матери и лучшему другу моихъ родителей, исчисляя всѣ деревенскія удовольствія, онъ говоритъ:

«Иль будемъ критики писать?
Примѣромъ ихъ—романъ «Графъ Нулинъ».
Въ немъ про охоту говорятъ
Невыгодно; и тѣмъ онъ дуренъ.
Я не скажу, какъ тотъ чудакъ:
«Прости, жена! не жди къ обѣду!»
Охотникъ я, но не дуракъ:
И повторю женѣ: «Пріѣду!
Хотя и съ тощимъ животомъ.
Ты жъ сладкимъ угости столомъ».

По выходѣ въ свѣтъ этого «Посланія» отецъ сидѣлъ, по обыкновенію, вечеромъ въ англійскомъ клубѣ въ Москвѣ, игралъ въ вистъ. Подходитъ къ нему Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

— Иванъ Петровичъ! Неужели вамъ въ самомъ дѣлѣ не нравится мой «Графъ Нулинъ?»

— Полноте,—отвѣчалъ отецъ.—Я пошутилъ: въ риѳму пришлось!

Много, бывало, разсказывалъ отецъ про свою военную службу: онъ былъ и за Кавказомъ, и въ турецкомъ походѣ при князѣ Кутузовѣ, и за время войны 1812 и 1813 года служилъ адъютантомъ при генералѣ Тормазовѣ. Когда въ 1813 году императоръ Александръ I посѣтилъ веймарскій дворъ, отецъ былъ въ свитѣ государя, въ Веймарѣ посѣтилъ Гёте и былъ пораженъ величественнымъ видомъ этого геніальнаго мужа. Отецъ говорилъ, какъ тогда, при этомъ германскомъ дворѣ, всѣ были любезны и внимательны къ русскимъ. Жалѣю, что я тогда же не записала разсказовъ отца, который много видѣлъ и былъ знакомъ со столькими замѣчательными личностями своего времени [2]). Но тогда, хотя я и слушала съ удовольствіемъ, все же молодость брала свое, увлекая меня своими стремленіями, надеждами... жизнь кипѣла ключемъ, настоящее было такъ ярко, что прошедшее передъ нимъ блѣднѣло... Потеряннаго не воротишь; то, что помню, теперь запишу.

Съ княземъ Михаиломъ Горчаковымъ, впослѣдствіи главнокомандующимъ во время крымской кампаніи, два года жилъ отецъ на Кавказѣ въ одной палаткѣ, искренно былъ съ нимъ друженъ; вмѣ-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ г. Вильны.

[2]) Когда читаю въ «Русскомъ Архивѣ» статьи, относящіяся къ той эпохѣ, то встрѣчаю все имена людей, знакомыхъ мнѣ по разсказамъ отца и матери.

стѣ раздѣляли они опасности, деньги и лишенія. «Миша, Ваня» — такъ называли они другъ друга. Во время крымской кампаніи 1855 года мои оба брата были на войнѣ [1]). О младшемъ сынѣ, Ильѣ, отецъ долго не имѣлъ никакого извѣстія. Онъ написалъ князю Михаилу Горчакову, тогда главнокомандующему, и, вспоминая прежнюю дружбу, просилъ его розыскать сына его, Илью. Князь Горчаковъ отвѣтилъ ему тѣмъ письмомъ, что напечатано было въ журналѣ «Русская Старина».

Братъ Илья былъ розысканъ и вернулся невредимымъ по окончаніи войны.

Партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ былъ, какъ я выше сказала, племянникомъ мачихи моего отца, съ которымъ вмѣстѣ росли. Въ походахъ Д. В. Давыдовъ надоѣдалъ товарищамъ разными своими выходками.

«Въ 1812 году,—говорилъ отецъ,—усталые, измученные, мы сдѣлали привалъ. Мой La Tour [2]), неоцѣненный человѣкъ въ походахъ, тутъ же смастерилъ намъ чаю, розлилъ въ стаканы, снабдилъ трубочками, табакомъ, и мы разсѣлись на разостланныхъ по землѣ коврахъ, готовясь угоститься и отдохнуть. Откуда ни возьмись Денисъ. Подлетѣлъ, наплевалъ во всѣ наши стаканы чая и всѣ выпилъ, потому что мы, конечно, отъ нихъ отказались».

Такъ какъ я упомянула о La Tour'ѣ, то скажу о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ моего дѣда, но былъ имъ отданъ въ пансіонъ, гдѣ и воспитывался, зналъ отлично французскій языкъ. Настоящаго имени его не помню, но былъ прозванъ «La Tour» по тогдашней модѣ все французить. «Латуръ» слѣдовалъ за моимъ отцомъ во всѣхъ его походахъ; ловкостью своей и находчивостью былъ ему вездѣ очень полезенъ. Но не забывалъ La Tour и своихъ выгодъ. Въ отцовскихъ вьюкахъ онъ тайкомъ помѣщалъ всегда свой чай, табакъ, ромъ, сахаръ, которые продавалъ офицерамъ иногда по червонцу за фунтъ табаку или за фляжку водки. Когда отецъ женился, La Tour былъ еще при немъ камердинеромъ, но вскорѣ послѣ того отецъ далъ ему вольную и отпустилъ его. Нѣсколько лѣтъ спустя, лакей приходитъ докладывать матушкѣ, что пріѣхалъ г-нъ X. и настойчиво проситъ, чтобъ она къ нему вышла. Матушка выходитъ въ пріемную, видитъ передъ собой очень хорошо одѣтаго, приличнаго господина среднихъ лѣтъ, который ей кланяется.

— Извините,—говоритъ матушка,—я не имѣю удовольствія васъ знать.

---

[1]) Старшій братъ мой, Александръ Ивановичъ Бибиковъ, будучи ротнымъ командиромъ, тамъ и погибъ, оставивъ вдову и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

[2]) Латуръ—русскій, крѣпостной камердинеръ моего отца, прозванный «La Tour», потому что онъ корчилъ француза и отпускалъ французскія фразы.

— Софья Гавриловна, неужели вы меня не узнаете?

— Извините, не узнаю.

Незнакомецъ улыбается и, немного конфузясь, наклоняется къ матушкѣ и шепчетъ: «La Tour».

Матушка вскрикнула отъ удивленія. Да! La Tour имѣлъ уже тогда свой каменный домъ въ Москвѣ, свой экипажъ, онъ былъ женатъ, и дѣти его воспитывались въ пансіонѣ.

Въ турецкую кампанію 1808 года князь Кутузовъ отправилъ отца моего курьеромъ въ С.-Петербургъ отвезти государю Александру I Павловичу первыя отбитыя у турокъ знамена и извѣстить о первой надъ врагами побѣдѣ. Отецъ на перекладной телѣгѣ мчался изъ Турціи въ Петербургъ.

«Подъѣзжаешь къ станціи»,— разсказывалъ отецъ, — «а другая телѣжка уже запряжена, лошадей взваживаютъ. Подымутъ тебя, раба Божья, на руки, да какъ чурку на другую телѣжку переложатъ. Тѣла своего ужъ не чувствуешь, ноги не дѣйствуютъ.

«На одной изъ станцій ямщики что-то долго прокопались. Народъ обступилъ мою телѣжку.

— «Что это, ваше благородіе, везете?

— «Турецкія знамена, братцы. Побѣда!

«Всѣ перекрестились.

— «Вишь ты!—заговорилъ народъ.—И знамена-то у нихъ заподлинно басурманскія! Глядь—всѣ лохматыя!»

Чтобъ предохранить знамена отъ дождя и грязи, отецъ прикрылъ ихъ своей буркой. Мужики бурку приняли за знамена.

Такимъ образомъ проскакалъ отецъ нѣсколько тысячъ верстъ. Въ С.-Петербургѣ его, запыленнаго, забрызганнаго грязью, провели прямо въ кабинетъ государя. Государь тотчасъ повелѣлъ попросить къ себѣ императрицу Елисавету Алексѣевну. Оба они милостиво обласкали курьера, привезшаго первую радостную вѣсть съ театра войны.

— Ступай теперь, Бибиковъ, отдохни, навѣрное усталъ, — улыбаясь сказалъ Александръ I.

По словамъ всѣхъ, видавшихъ этого государя, улыбка его была очаровательна. Онъ былъ обворожительно добръ и плѣнялъ ласкающимъ выраженіемъ своего взгляда.

Отца отвели тутъ же во дворцѣ въ особенную комнату, гдѣ ему подали завтракъ, послѣ котораго онъ, умывшись, повалился на тутъ же приготовленную постель, гдѣ проспалъ цѣлыя сутки богатырскимъ сномъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1818 году отецъ и мать видѣли царственную чету въ Москвѣ на придворномъ балѣ. Государь при-

гласилъ матушку на полонезъ, а государыня подошла къ моему отцу.

— Monsieur Bibicoff,—сказала она,—veuillez aider ma mémoire. Je me souviens très bien de vous, mais j'ai oublié le nom de la victoire dont vous nous avez apporté la nouvelle. Veuillez me la rappeler [1]).

Елисавета Алексѣевна такъ же, какъ и государь, обладала даромъ привлекать сердца привѣтливымъ умомъ и ласковымъ словомъ.

Не могу не прибавить здѣсь замѣчательную черту этой милой, умной и образованной женщины, которая на престолѣ провела жизнь уединенную, незамѣченную и грустную: никогда никѣмъ не была она оцѣнена по достоинству. Государь Александръ I горячо любилъ свою мать, вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну: на балахъ, на выходахъ онъ всегда являлся рука объ руку съ матерью, а молодая супруга его шла позади ихъ [2]). Въ супружеской жизни она совершенно заслонена была красавицей Марьей Антоновной Нарышкиной, которая всесильна была при дворѣ.

Радости материнской любви и тѣ судьбой у нея были отняты. Дѣти ея умирали при прорѣзаніи первыхъ зубовъ. Придворный медикъ, ихъ лѣчившій, разсказывалъ моей матери объ отчаяніи императрицы Елисаветы Алексѣевны, когда явились у втораго ея ребенка тѣ же самые болѣзненные припадки, которые погубили перваго.

— Представьте себѣ мое положеніе, — говорилъ врачъ, — когда ночью, у изголовья умирающаго ребенка, мать его, императрица всероссійская, бросилась, рыдая, къ ногамъ моимъ, обнимала мои колѣна, умоляя меня спасти ея ребенка! А я видѣлъ, что вся наука моя безсильна. Всѣ дотолѣ извѣстныя средства я употребилъ, рылся въ книгахъ, рѣшался даже прорѣзать десна малютки, чтобъ ускорить появленіе зуба, и все—напрасно! Не говорю уже о той славѣ, которую стяжалъ бы, спасая царскаго ребенка, но, ради невыразимаго отчаянія этой, рыдающей у ногъ моихъ, женщины, я готовъ былъ на все. И ничего не помогло — погибли эти дѣти, которыя были бы ей единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни.

Елисавета Алексѣевна, пріѣхавъ въ Москву, послѣ разгрома 1812 года, была принята съ восторгомъ и народомъ и обществомъ. Даны были три бала для царя. Желая примѣромъ своимъ обуздать ту роскошь, которая подъ вліяніемъ запада начинала вкрадываться въ русскіе нравы, императрица на всѣ три бала являлась въ одномъ и томъ же платьѣ [3]). Танцовала одни полонезы [4]).

---

[1]) Г-нъ Бибиковъ, будьте такъ добры, помогите моей памяти. Васъ я очень хорошо помню, но забыла ту побѣду, вѣсть о которой вы намъ привезли. Прошу васъ, напомните мнѣ о ней».

[2]) Слышала отъ очевидцевъ.

[3]) Разсказъ очевидцевъ.

[4]) Полонезъ состоитъ изъ прогулки тихимъ шагомъ подъ музыку, дама подъ руку съ кавалеромъ.

Не могу умолчать о той разницѣ въ обращеніи, которая во время оно поразила въ юной императрицѣ, супругѣ Николая I Павловича. Во время его коронаціи, красивая и граціозная молодая царица на балахъ танцовала всѣ легкіе танцы, вальсируя безъ устали. Кавалерами государыня избирала себѣ не знатныхъ и заслуженныхъ придворныхъ сановниковъ, какъ бывало прежде, не образованныхъ, а ловкихъ, хорошо танцующихъ гвардейскихъ офицеровъ. Однимъ изъ привилегированныхъ былъ Мирбахъ.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, записавъ свое знакомство съ Мирбахомъ: оно вполнѣ характеризуетъ уровень образованія этого флигель-адъютанта.

Это было въ сороковыхъ годахъ, когда разрѣшили, наконецъ, хотя съ обрѣзками, но все же давать на московской сценѣ давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое представленіе безсмертной комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». До тѣхъ поръ это классическое произведеніе ходило по рукамъ въ рукописи и, конечно, всѣ знали его наизусть.

Какъ только объявлено было, что даютъ въ маломъ театрѣ «Горе отъ ума», мужъ мой немедля взялъ ложу. Наглядѣться не могли мы на незабвеннаго Михаила Семеновича Щепкина въ роли Фамусова, да и вся труппа тогда была безукоризненна.

Сидимъ мы, т. е. сестра моя, мужъ и я, въ ложѣ, еле дышимъ, чтобъ не пропустить словечка. Вдругъ входитъ къ намъ братъ мой старшій, Александръ, а за нимъ два незнакомыхъ намъ военныхъ: одинъ изъ нихъ генералъ, другой—флигель-адъютантъ.

— Сестра, — говоритъ мнѣ Александръ, — позволь мнѣ представить тебѣ генерала *** (имя позабыла) и флигель-адъютанта Мирбаха. Прошу тебя, позволь этимъ господамъ помѣститься въ твоей ложѣ. Они сейчасъ только пріѣхали изъ Петербурга и ни одного мѣста не нашли, даже въ райкѣ.

Театръ дѣствительно былъ переполненъ.

— Очень рады.

Усѣлись. Послѣ перваго дѣйствія Мирбахъ обращается ко мнѣ.

— Comme c'est joli! Кто это написалъ? [1]).

Я остолбенѣла.

Отступленіе завлекло меня слишкомъ далеко. Возвращаюсь къ отцу.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича, отецъ, по неотступной просьбѣ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, съ которымъ тогда былъ друженъ, бросилъ свою покойную, сельскую жизнь и вновь поступилъ на службу. Въ чемъ она заключалась, подробно сказать не могу. Отецъ жилъ въ Мо-

---

[1]) Какъ это мило.

сквѣ, носилъ военный полковничій мундиръ и безпрестанно ѣздилъ на ревизіи то въ Одессу, то въ Крымъ, то на Нижнегородскую ярмарку и проч. Когда Николай I дѣлалъ маневры войскамъ близъ г. Вязьмы, отецъ былъ временно туда откомандированъ [1]).

Осталось въ моей памяти то, что отецъ, въ разговорѣ съ матушкой, всегда хвалилъ молодого царя.

«Онъ любитъ Россію», говорилъ отецъ, «онъ желаетъ всей душою способствовать ея благоденствію; всѣми силами старается водворить въ ней порядокъ, искоренить злоупотребленія. Виноватъ ли онъ, если, желая всему положить прочный фундаментъ, требуетъ—гранита, а ему подаютъ—гнилой кирпичъ?»

Отъ отца же я слышала, что Николай I съ первыхъ шаговъ сталъ заботиться объ уменьшеніи тратъ на свою собственную личность, сталъ пересматривать дворцовый бюджетъ, входилъ во все, до самыхъ мелочей. Говорятъ, онъ вознегодовалъ, увидавъ, что ассигновано было сто рублей въ день на благовонное куреніе во дворцѣ. Тутъ же зачеркнулъ эту цифру и на мѣсто назначилъ—сто рублей на мѣсяцъ. На ежедневный, семейный обѣдъ государя выдавалось по полуторы тысячи рублей въ день (ассигнаціями). Николай I повелѣлъ выдавать только по двадцати пяти рублей на день, и т. д. въ этомъ же родѣ.

Императрицу государь любилъ искренно, и она ему платила тою же самоотверженною привязанностью. Онъ уважалъ ее и заставилъ ее занимать при дворѣ то высшее мѣсто, которое и слѣдовало ей занять. Все при дворѣ измѣнилось. Когда государь присутствовалъ при парадахъ или гдѣ либо по обязанности своего сана, то по окончаніи того, что считалъ какъ бы своей службой, онъ спѣшилъ всегда назадъ во дворецъ, говоря своимъ приближеннымъ:

— Моя баба меня ждетъ, спѣшу домой.

Слѣдуя примѣру царя, царедворцы стали щеголять своею вѣрностью семейнымъ узамъ точно такъ же, какъ бывало щеголяли совершенно противоположнымъ.

---

[1]) О путешествіи въ Нижній Новгородъ и о пребываніи въ Вязьмѣ говорю ниже въ главѣ: «Моя мать».

III.

Выходъ отца въ отставку.— Охота отца.— Походъ охоты отца на Кавказъ и въ Киргизскія степи.—Массонство.—Французъ Картри.—Массонскія перчатки.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ, отецъ, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ, хотя вернулось ему здоровье, но онъ уже предпочелъ жить покойной помѣщичьей жизнью. Онъ страстно любилъ охоту во всѣхъ ея видахъ. Неутомимо ходилъ онъ съ ружьемъ по болотамъ, приносилъ иногда по сто паръ разной дичи, проходивъ за ней не болѣе одного дня. Въ Рязанской губерніи тогда мѣста были привольныя, болотъ еще не осушали: дупели, бекасы, кулики и прочая болотная птица вспархивали чуть не на каждомъ шагу. И псовая охота могла вестись на просторѣ; осенью отецъ предавался ей въ широкихъ размѣрахъ.

Сборъ на псовую охоту представлялъ живописное зрѣлище. Стая отборныхъ гончихъ, при нихъ два или три доѣзжачихъ, десять своръ борзыхъ собакъ различныхъ породъ; тутъ были и густопсовыя, и чисто псовыя, англійскія, брудастыя, куцыя, волкодавы огромнаго роста; при нихъ десять псарей и стременныхъ въ красныхъ курткахъ и шапкахъ, на сѣрыхъ, казацкихъ или степныхъ скакунахъ. Звукъ роговъ, лай собакъ, красивые кони, вообще оживленіе упоительно дѣйствовали на бывшаго воина, который, какъ полководецъ, управлялъ подвластнымъ ему войскомъ и велъ его на враговъ—степныхъ звѣрей. По четыре матерыхъ волка, по тринадцати лисицъ привозилъ отецъ, поохотившись одно только утро. Какъ устоять противъ такого соблазна?

Не могу здѣсь, говоря объ охотѣ, не забѣжать на много лѣтъ впередъ и не разсказать, единственнаго, вѣроятно, въ лѣтописи помѣщичьей охоты, похода моего отца съ своей рязанской стаей по равнинамъ киргизскихъ степей.

Въ 1845 году, отецъ поѣхалъ на Кавказъ въ Пятигорскъ съ княземъ Дмитріемъ Николаевичемъ Оболенскимъ, первымъ мужемъ моей сестры, которому предписано было лѣченіе водами. Когда курсъ лѣченія кончился, въ августѣ мѣсяцѣ, князь Д. Н. Оболенскій возвратился въ Москву; отецъ мой написалъ матушкѣ, чтобъ она выслала ему въ Пятигорскъ часть его псовой охоты, которую ей назначилъ.

Такъ и сдѣлали. Снарядили на Кавказъ двухъ своихъ дворовыхъ людей: кучера, онъ же и охотникъ, Илью Васильева, стременного Василія Пахомова [1]) и двухъ наемныхъ охотниковъ, доѣзм-

---

[1]) Онъ въ 1883 году спокойно доживалъ свой вѣкъ въ имѣніи и усадьбѣ сына моего Дмитрія Раевскаго и на полномъ его содержаніи.

жачаго [1]) Ѳедора Матвѣева и стременного [2]) Михайла Андреева. Они поѣхали верхами на своихъ охотничьихъ лошадяхъ; съ ними шла отборная стая гончихъ и нѣсколько сворь борзыхъ [3]) собакъ. При нихъ шла тройкой фура съ овсомъ для лошадей, овсяной мукой для собакъ, крупой и прочей провизіей для людей: взяли съ собой и ружей, пороха и дроби. Кучеру Ильѣ Васильеву, какъ трезвому и честному, матушка вручила на дорогу четыреста рублей ассигнаціями. Шли они большими дорогами [4]), дѣлали привалъ въ чистомъ полѣ, вдали отъ деревень, около какого нибудь лѣсочка, путали и пускали на траву лошадей, а сами варили себѣ въ котелкѣ кашицу, куда для навара клали дичь, что стрѣляли въ степи, а собакамъ варили овсянку. Такъ дошли они изъ Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, вплоть до Кавказа, куда прибыли въ концѣ сентября. Привели лошадей и собакъ въ отличномъ видѣ, а Илья Васильевъ вручилъ отцу моему сдачу съ полученныхъ имъ дорожныхъ денегъ. Такихъ людей теперь ужъ нѣтъ!

Изъ Пятигорска отецъ съ охотой своей пошелъ въ Киргизскія степи, гдѣ травилъ медвѣдей, кабановъ, стрѣлялъ дикихъ лебедей, фазановъ, которыми питался, ночуя на чистомъ воздухѣ или въ калмыцкихъ кибиткахъ. Тамъ охотники наши привыкли къ кирпичному чаю, который имъ очень нравился. Они его варили въ котелкѣ съ перцемъ, солью и молокомъ. Вернувшись домой уже въ концѣ декабря мѣсяца, они состряпали этотъ напитокъ и меня имъ потчевали, но я ни единаго глотка его не могла проглотить: такимъ онъ мнѣ показался отвратительнымъ.

Отецъ привезъ съ собой много битыхъ и живыхъ фазановъ. Битыми мы лакомились всю зиму, живые прожили у насъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Много разсказовъ привезли путешественники наши изъ Киргизскихъ степей. Въ 1884 году, дѣти мои зазовутъ, бывало, къ себѣ семидесятилѣтняго Пахомыча, угостятъ его водкой; онъ оживетъ и съ жестами и возгласами начнетъ описывать имъ, какъ съ батюшкой Иваномъ Петровичемъ онъ на охоту ѣздилъ, какъ на Кавказѣ медвѣдя зарѣзалъ и проч. и проч.

---

[1]) Доѣзжачимъ зовутъ охотника, ѣздящаго подъ гончими, т. е. управляющаго стаей гончихъ собакъ.

[2]) Который при стремени у барина, ведетъ его свору собакъ борзыхъ.

[3]) Сворой называютъ 2-хъ собакъ, которыхъ придерживаютъ на длинномъ ремнѣ, и спускаютъ при встрѣчѣ со звѣремъ.

[4]) На большихъ степныхъ дорогахъ (конечно, не шоссейныхъ) растетъ трава въ изобиліи до сихъ поръ (1895 г.). Желѣзныхъ дорогъ на югѣ, конечно, тогда еще не было.

Отецъ мой, какъ большая часть образованныхъ людей своего времени, принадлежалъ къ массонству. Онъ былъ мейстеромъ, или мастеромъ, въ одной изъ московскихъ ложъ. Гроссмейстеромъ былъ тогда старикъ-негоціантъ Розенштраухъ, къ высокочестной и почтенной личности котораго всѣ питали глубочайшее уваженіе. Я его видала не разъ, когда съ отцемъ посѣщала его роскошный магазинъ золотыхъ и бронзовыхъ вещей, который въ 30-хъ годахъ считался лучшимъ во всей Москвѣ: онъ помѣщался на углу Кузнецкаго моста и Рожественки, напротивъ бывшихъ клиникъ, на правой рукѣ, идя вверхъ по Кузнецкому мосту.

У отца хранился какой-то массонскій орденъ или знакъ—бронзовый треугольникъ на зеленой, муаровой лентѣ, съ узенькой, кажется, бѣлой каймой; онъ надѣвался на шею. Потомъ опоясывали что-то въ родѣ фартука и держали въ рукахъ обнаженную шпагу. Отецъ писалъ рѣчи, которыя читалъ въ своей ложѣ: эти рѣчи были на французскомъ языкѣ; намъ онъ ихъ никогда не читалъ и не говорилъ о томъ, что въ ложѣ происходило.

Въ 1850 году, пріѣхалъ къ намъ со своими воспитанниками, дѣтьми Мясоѣдовыми, гостить въ село наше, Никитское, старикъ французъ, monsieur Cartry (г. Картри). Я тогда давно уже была замужемъ, семейство наше было большое, обѣденный столъ часто накрывался на 30 приборовъ въ большой залѣ, а ужъ не въ обыкновенной столовой. Обѣдали у насъ въ тотъ день отецъ и мать мои. Отецъ, какъ всегда, занималъ почетное мѣсто, у главы стола, матушка сидѣла возлѣ него по правую руку, а я—налѣво. Возлѣ меня не помню кто, а дальше г. Картри—французъ. Онъ налилъ себѣ стаканъ краснаго вина. Отецъ сдѣлалъ неуловимый жестъ рукой, выпилъ также вина и сказалъ г. Картри:

— Chargez votre canon de poudre rouge [1]).

— Frère [2])!—сказалъ Картри.

— Frère!—отвѣтилъ отецъ и засмѣялся.

Два брата-массона по условленному знаку узнали другъ друга. Но по какому знаку познали они другъ друга братьями, того не хотѣли намъ открыть: то была тайна ордена, и они клялись свято ее хранить.

Матушка мнѣ разсказывала, что отецъ принесъ ей однажды изъ ложи пару бѣлыхъ перчатокъ. Она этимъ подаркомъ была очень тронута и сохранила эти перчатки, какъ святыню. Одна же изъ ея подругъ, получивъ отъ мужа такія же перчатки, ужасно разсердилась, разорвала ихъ, растоптала ногами, расплакалась и осыпала мужа упреками, увѣряя, что онъ привезъ ей перчатки своей любовницы. Произошла тяжелая сцена. Мужъ не могъ, по данному

---

[1]) Зарядите вашу пушку краснымъ порохомъ.

[2]) Братъ!

въ массонствѣ обѣту, растолковать женѣ, наскольно она ошибалась; онъ огорчился, оскорбился, и съ этихъ поръ пошли размолвки въ супружествѣ.

Теперь извѣстно, что массонъ приносилъ эти бѣлыя перчатки въ даръ той женщинѣ, которую болѣе всѣхъ прочихъ уважалъ.

IV.

Родные моей матери. — А. И. Бибиковъ. — Посѣщеніе его императрицей Екатериной II.—Село Барцовка.—Семейная легенда.—Кончина А. И. Бибикова.—Милости императрицы.—Стихи въ его память. — А. И. Рибопьеръ. — Княгиня Н. И. Голицына.—Г. И. Бибиковъ.—Бабушка Е. А. Бибикова.—Дядя и тетки.—Воспитаніе матери.—Театръ въ Гребневѣ.—Образъ жизни того времени.—Графъ А. Г. Орловъ.—Его обращеніе съ дочерью.—Манимаска.—Огаревъ.—Скрипачъ Потапъ.—М. М. Муромцевъ.

Семья Бибиковыхъ, къ которой принадлежала моя мать, не походила во многомъ на семью моего отца, хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій. Были въ этой семьѣ знаменитые полководцы и не менѣе извѣстные гражданскіе дѣятели [1]), люди, отличающіеся умомъ и образованіемъ, но чувство изящнаго, любовь къ искусству, способности къ художеству были имъ чужды: исключеніе было рѣдко. Ни одного живописца, ни музыканта, даже почти ни одного любителя этихъ искусствъ между ними не было. За то вся семья была одарена природою замѣчательно красивой наружностью. «Les beaux yeux noirs des Bibicoffs» [2]) вошли въ пословицу во время оно. Не разъ слышала я это отъ стариковъ, знавшихъ мою матушку, тётушекъ и дядей.

Имя старшаго брата моего дѣда, Гавріила Ильича Бибикова, Александра Ильича, принадлежитъ исторіи, какъ одного изъ орловъ царствованія императрицы Екатерины II.

Воинскія дарованія его въ войнѣ съ Пруссіей пріобрѣли ему уваженіе и внѣ отечества. Фридрихъ Великій, король прусскій, писалъ ему, что желаетъ съ нимъ познакомиться и приглашаетъ въ свой лагерь при Маріенвердерѣ; но Александръ Ильичъ отклонился отъ сего предложенія тѣмъ, что занятія его не позволяли ему отлучиться. Въ отвѣтъ король къ нему писалъ отъ 14-го іюня 1772 г. съ большей благосклонностью [3]), «что генералъ, жертвующій удовольствіями долгу службы, пріобрѣтаетъ полное его уваженіе».

Александръ Ильичъ былъ въ дружеской перепискѣ со знатнѣй-

---

[1]) О нихъ буду говорить ниже.

[2]) «Прекрасные черные глаза Бибиковыхъ».

[3]) «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова». Изданіе 1817 г., стр. 187. «Письмо Фридриха».

шими людьми своего времени [1]), какъ-то: съ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, съ Суворовымъ, съ графомъ П. А. Румянцовымъ; отъ наслѣдника Павла Петровича получилъ два дружескихъ письма, гдѣ онъ называетъ его «любезный другъ» и подписывается: «навсегда вашъ вѣрный другъ Павелъ» [2]).

А отъ Екатерины Великой удостоился имѣть много собственноручныхъ писемъ, не считая милостивыхъ ея рескриптовъ [3]).

17 мая 1767 года, Александръ Ильичъ удостоился посѣщенія самой императрицы Екатерины II, которая въ сопровожденіи блестящей свиты, возвращаясь изъ Казани по Волгѣ на галерахъ, пріѣхала въ село Барцовку, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, принадлежащее князьямъ Козловскимъ, на дочери которыхъ женатъ былъ Александръ Ильичъ Бибиковъ. Это богатое село лежитъ на высокомъ берегу Волги. Усадьба была великолѣпная: окружали ее цвѣтники и сады фруктовые; домъ былъ большой, каменный, съ него открывался чудный видъ на широкую Волгу, на дремучіе лѣса и необъятныя поля, простирающіяся до дальняго горизонта. Церковь была деревянная, оштукатуренная.

Государыня изволила остановиться противъ церкви села Барцовки, у пристани, покрытой краснымъ сукномъ, которое лежало по всей горѣ до самой церкви. Мѣстные крестьяне, съ своими помѣщиками князьями Козловскими и Бибиковыми, вышли встрѣтить ея величество на берегъ, а духовенство ожидало въ церкви села Барцовки. Государыня, поднявшись въ гору, вошла въ деревянную церковь, гдѣ было отслужено молебствіе, за которымъ Александръ Ильичъ Бибиковъ читалъ Апостола.

Послѣ службы, ея величество любовалась Волгой, сидя подъ деревомъ близъ церкви. Къ сожалѣнію, это дерево было впослѣдствіи срублено. Въ этой церкви князья Козловскіе прибили къ правому клиросу мѣдную доску съ вырѣзанной на ней слѣдующей надписью:

«17-го мая 1767 года здѣсь стояла императрица Екатерина II; а генералъ Александръ Ильичъ Бибиковъ во время молебстія читалъ Апостола».

Эти подробности я слыхала не разъ отъ матери моей, Софьи Гавриловны Бибиковой, родной племянницы Александра Ильича, а подтвердилъ мнѣ ихъ зять мой, баронъ Владиміръ Михайловичъ Менгденъ [4]), который въ молодости (въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія) часто бывалъ въ селѣ Барцовкѣ и читалъ въ церкви эту надпись.

---

[1]) Тѣ же «Записки», гдѣ помѣщены ихъ письма.

[2]) См. «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова», изданіе 1817 года, стр. 189. Приложенія, гдѣ напечатаны эти 2 письма.

[3]) Тѣ же «Записки», стр. 147 и многія другія; всѣ письма напечатаны.

[4]) Въ 1897 году дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ государственнаго совѣта.

Бабушка моего зятя, барона Менгдена, была княжна Козловская, сестра жены Александра Ильича Бибикова. Село Барцовка лежитъ въ 20-ти верстахъ отъ имѣнія отца моего зятя, покойнаго генералъ-майора Михаила Александровича фонъ-Менгдена. Всѣ Менгдены часто посѣщали князей Козловскихъ, съ которыми были близко знакомы и по родству дружны.

Въ 1840 году, старая деревянная церковь развалилась: разобранный изъ нея лѣсъ пошелъ на обжиганіе кирпича, изъ котораго сложили каменный храмъ на другомъ концѣ села, а на мѣстѣ ея поставили часовню, которая сохранилась до сего времени.

Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи не дорожатъ историческими памятниками старины. Мѣдная доска съ надписью пропала съ тѣхъ поръ, какъ село Барцовка перешло изъ владѣнія прежнихъ коренныхъ помѣщиковъ князей Козловскихъ въ разныя руки. Осталась только въ народѣ между старожилами легенда, перешедшая отъ прадѣдовъ къ правнукамъ. Изъ нея выписываю слѣдующія подробности [1]).

«Во время отдыха государыни подъ деревомъ представлены были ея величеству два мальчика, шестилѣтній князь Козловскій и трехлѣтній Саша Бибиковъ [2]), котораго крестьяне очень любили. Государыня обратилась къ нимъ со слѣдующими милостивыми словами:

— «Что? ждали моего пріѣзда?

«Маленькій Бибиковъ бойко отвѣтилъ:

— «Да, матушка царица! ждали, какъ краснаго солнышка!

«Князь же Козловскій такъ переконфузился, что ничего не могъ сказать и только ревѣлъ на всю улицу.

«Государыня тутъ же взяла Сашу Бибикова на руки, посадила къ себѣ на колѣни и пожаловала его въ подпрапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

«Потомъ благоволила откушать у князей Козловскихъ [3]).

«По поводу пріѣзда Екатерины II была въ народѣ сложена пѣсня, въ которой, между прочимъ, упоминалось о маленькихъ мальчикахъ «Бибиковѣ и Козловскомъ»; въ ней перваго восхваляли, а послѣдняго осмѣивали. Пѣсня эта въ настоящее время забыта».

Александръ Ильичъ родился 30-го мая 1723 года, скончался 9-го апрѣля 1774 года, на сорокъ пятому году отъ рожденія въ бѣдной татарской деревнѣ Бугульмѣ (нынѣ уѣздный городъ Самарской губерніи). Свели его въ могилу непосильные труды, истощившіе душевныя и тѣлесныя его силы, и пренебреженіе здоровьемъ по ревности къ исполненію великаго своего служенія при избавленіи оте-

---

[1]) Этими подробностями и слѣдующей легендой обязана я любезности государственнаго секретаря, г. Плеве, который, будучи въ Костромской губерніи, приказалъ въ Барцовкѣ собрать всѣ эти свѣдѣнія и доставить ихъ мнѣ въ 1896 году.

[2]) Второй сынъ Александра Ильича Бибикова, впослѣдствіи сенаторъ.

[3]) Эти подробности частью изложены и въ «Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Б.», стр. 76.

чества отъ угрожающей ему опасности. Онъ, будучи генералъ-аншефомъ, предводительствовалъ тогда войскомъ противъ Пугачева, которому онъ первый далъ отпоръ, когда злодѣй самозванецъ уже укрѣпился и завладѣлъ многими городами, въ томъ числѣ Оренбургомъ и Самарой, которые Бибикову удалось освободить [1]).

На службѣ, по безкорыстію, честности и великодушію въ отношеніи къ нуждающимся, Александръ Ильичъ не только ничего не пріобрѣлъ, но, при всей своей скромной жизни, истратилъ и свое достояніе и часть женинаго имѣнія. Послѣднія же предъ кончиною слова его достойны были добродѣтельнаго теченія его жизни. Когда предстоящіе при смертномъ одрѣ напоминали ему о женѣ и о дѣтяхъ, коихъ онъ оставлялъ въ недостаткѣ, онъ отвѣчалъ:

— «Милосердая государыня, конечно, ихъ призритъ; но болѣе жалѣю и стражду, оставляя въ бѣдствіи отечество».

Императрица, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра Ильича, удостоила его слезъ своихъ и щедрою рукою изліяла благодѣянія на оставшуюся неутѣшную семью. Пожаловала супругѣ и дѣтямъ 2.500 душъ въ Бѣлоруссіи, старшаго сына Павла произвела въ полковники и въ свои флигель-адъютанты, второго, десятилѣтняго, въ офицеры гвардіи, а дочь въ фрейлины. Императрица, недовольствуясь сими милостями, повелѣла спросить у вдовы покойнаго, чего бы она особенно для себя желала, но достойная супруга Александра Ильича просила только воззрѣть на состояніе одного родственника ея мужа, съ отличіемъ служившаго подъ его начальствомъ. Екатерина пожаловала ему 500 душъ [2]).

Александра Ильича воспѣвали современные поэты и при жизни его и послѣ его кончины, какъ-то:

«Съ простымъ ты былъ простой,
Мудрецъ былъ съ мудрецами,
Съ героями герой,
Любезный другъ съ друзьями».

Другъ его Н. В. Леонтьевъ, по кончинѣ его, написалъ слѣдующее стихотвореніе:

«Онъ былъ искусный вождь въ браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно:
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ».

---

[1]) Тѣ же «Записки», стр. 310 и 317.

[2]) «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова», изданіе 1817 г., стр. 321.

Дочь Александра Ильича была замужемъ за Рибопьеромъ. Извѣстенъ анекдотъ о сынѣ ея: мальчику было пять лѣтъ, когда императрица Екатерина II, услыша о красотѣ и умѣ внука Александра Ильича, пожелала его видѣть.

Его привели къ ней, и она имъ очень любовалась, даже на прощанье подарила ему свой портретъ.

Уѣзжая въ четырехмѣстной каретѣ, мальчикъ поставилъ портретъ государыни на почетное мѣсто, а самъ сѣлъ на переднюю скамейку.

Впослѣдствіи онъ избралъ дипломатическую карьеру и былъ нашимъ посломъ при прусскомъ дворѣ.

Будучи ребенкомъ, я видала у насъ Рибопьера, графа Александра Ивановича Остермана-Толстого и всѣхъ родныхъ, внуковъ и внучекъ князя Михаила Иларіоновича Кутузова. Родители мои со всѣми ими были въ дружескихъ отношеніяхъ.

Рибопьеръ былъ средняго роста и очень хорошъ собой; волоса его тогда были совсѣмъ бѣлые, но лице свѣжее, брови черныя такъ же, какъ и большіе блестящіе глаза, Бибиковскіе.

Графъ А. И. Остерманъ-Толстой былъ очень высокаго и стройнаго роста, волоса его были черные, а большіе черные глаза смотрѣли сурово изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Онъ рѣдко пріѣзжалъ въ Россію и подъ старость больше жилъ за границей, гдѣ и скончался.

Съ сестрой его, княгиней Натальей Ивановной Голицыной, мы видались очень часто; она была нашей сосѣдкой въ деревнѣ, а въ Москвѣ держала открытый домъ, очень пріятный, который я часто посѣщала.

Сама княгиня Наталья Ивановна по вечерамъ играла въ кабинетѣ своемъ въ карты со своими сверстницами, а нами, молодежью, распоряжалась ея племянница и воспитанница, княжна Дарья Андреевна Ухтомская. Тутъ собиралось все избранное московское общество; иногда танцовали, а болѣе занимались музыкой. Туда приглашались первоклассные артисты, какъ, напримѣръ, пьянистъ Тальбергъ. Тутъ Ѳеофилъ Толстой пѣвалъ одинъ или дуэтомъ съ двоюродной сестрой, Д. А. Ухтомской, свои прелестные романсы. Пѣвали и родственница ихъ Чернышева и красавица г-жа Киреева, рожденная Алябьева. Словомъ вечера эти были самые пріятные въ Москвѣ; домъ княгини Н. И. Голицыной былъ открытъ ежедневно: она принимала радушно, и это удвоивало удовольствіе ея посѣтителей.

Послѣ кончины княгини Голицыной, княжна Д. А. Ухтомская вышла замужъ за ея сына Валеріана, и они поселились въ нашемъ сосѣдствѣ, въ селѣ Архангельскомъ, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, и наши семьи подружились.

Дѣдъ мой, отецъ моей матери, меньшой братъ Александра Ильича, Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, генералъ временъ Екатерины II, былъ писанный красавецъ-брюнетъ. Жена его, моя бабушка Екатерина Александровна, рожденная Чебышева, была извѣстная въ Москвѣ красавица, черноволосая, высокаго роста; она и въ старости поражала величественнымъ видомъ и остатками прежней красоты.

Дѣдушки я не знавала: онъ скончался въ 1802 году, задолго до моего рожденія, но бабушка—какъ теперь передо мной съ накинутой на плечахъ бѣлой, турецкой шалью: такъ сидѣла она въ своемъ кабинетѣ, стѣны котораго были изъ бѣлаго мрамора. Къ нему вела безконечная анфилада залъ и гостиныхъ. Бальная же зала была въ сторонѣ по лѣвую руку отъ парадной лѣстницы: она была громадная, въ два свѣта и, когда я знавала бабушку, эта зала была всегда заперта. Намъ, дѣтямъ, по нашей просьбѣ, ее одинъ разъ отперли и показали; она также была бѣлая, мраморная.

Домъ бабушкинъ каменный, съ нижнимъ этажемъ подъ сводами, съ мезониномъ и антресолями, былъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ: окна фасада и балконъ съ колоннами были обращены на улицу; передъ домомъ простирался большой мощеный дворъ, отгороженный отъ улицы высокой, желѣзной рѣшеткой; въ серединѣ ея—такія же ворота. По обѣимъ сторонамъ двора—два двухъэтажные каменные флигеля. Съ противоположной стороны опять огромный дворъ и цѣлый кварталъ службъ, флигелей, конюшенъ, сараевъ и проч. выходящихъ во весь переулокъ, кажется, Штатный, а задáми на Остоженку. Кромѣ того, по ту сторону переулка принадлежалъ ей двухъэтажный домъ, гдѣ мы съ матерью и отцемъ прожили одну зиму и весну: тамъ родился мой братъ, Илья, котораго крестила бабушка, а мнѣ съ братомъ Александромъ позволили тутъ же быть воспріемниками. Мнѣ было шесть лѣтъ, Александру пять: идя за бабушкой съ зажженными свѣчами, мы подожгли ея турецкую шаль.

Послѣ смерти бабушки, дяди мои, служившіе всѣ въ Петербургѣ, дома эти продали. Одно время ими владѣла баронесса Розенъ [1]).

Говорятъ, бабушка очень любила и уважала моего отца, и что по этому случаю я была ея любимицей. До сихъ поръ у меня хранится письмецо, ею мнѣ написанное, а писать письма она была не охотница. Но ласки отъ бабушки мы, внуки и внучки, никогда не видали. Признаться, мы бабушки не любили, но уважали и боялись ея. Кажется, то же чувство внушала она и дѣтямъ своимъ. У нея ихъ было двѣнадцать взрослыхъ: пять сыновей и семь дочерей, всѣ семейныя, кромѣ меньшаго сына Александра. Тѣ же изъ нихъ, которые помнили отца, особенно матушка, Софья Гавриловна, гово-

---

[1]) Она купила эти дома за 40.000 ассигнаціями, а дочь ея Аладьина перепродала ихъ за 110.000 р. сер. кн. Голицыной; теперь этотъ домъ отданъ въ наймы подъ гимназію.

рили о немъ съ большой любовью. Всѣхъ же дѣтей у бабушки было семнадцать.

Бабушка изъ всѣхъ дѣтей своихъ болѣе любила старшаго сына Павла и старшую дочь Екатерину [1]), но болѣе всего на свѣтѣ любила бабушка мужа своего, которому сохранила вѣрность незапятненную, хотя и осталась, послѣ его смерти, молодой красивой вдовой. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія это было рѣдкимъ явленіемъ.

Матушка мнѣ разсказала, что однажды отецъ ея опасно занемогъ. Бабушка собрала всѣхъ двѣнадцать дѣтей своихъ, велѣла имъ стать на колѣни, сама пала съ ними ницъ передъ образами и со слезами громко молила Бога, чтобъ Онъ взялъ у нея всѣхъ дѣтей до единаго, а сохранилъ ей мужа. Дѣдушка выздоровѣлъ.

Бабушка однажды показала намъ въ кіотѣ своемъ образъ Божіей Матери, весь вышитый жемчугомъ, и разсказала, что прапрабабушка ея, будучи еще дѣвушкой, была въ числѣ тѣхъ благородныхъ дѣвицъ, которыхъ повезли во дворецъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, чтобъ изъ нихъ онъ избралъ себѣ невѣсту. Прапрабабушка была тогда обрученной невѣстой и горячо любила своего жениха. Ослушаться царскаго указа было немыслимо. Прапрабабушку повезли на смотръ, но она дала обѣдъ, что, если царь не выберетъ ея, то она, изъ собственнаго рукодѣлья, вымѣнитъ образъ Божіей Матери и украситъ ризу его жемчугомъ. Извѣстно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ избралъ въ супруги бѣдную, дворянскаго рода дѣвицу незнатной фамиліи. Прапрабабушка вышла за любимаго ею жениха и въ точности исполнила свой обѣтъ. Вымѣненный ею образъ по наслѣдству достался моей бабушкѣ.

По воскресеньямъ, всѣ дѣти, бывшія въ Москвѣ, внуки и внучки собирались къ бабушкѣ въ Пречистенскій домъ. Подходили мы къ ручкѣ бабушки, а потомъ спѣшили въ огромныя залы побѣгать и поиграть подальше отъ нея. Не только боялись мы бабушки, но трепетали даже передъ ея старой горничной и экономкой, Аксиньей Яковлевной, которая, въ высокомъ бѣломъ чепцѣ, съ очками на носу, была не менѣе важна и горда самой бабушки.

И матушка, и тётушки, и дяди были чернобровые красавцы и красавицы. Особенная отличительная черта ихъ была — большіе, чудные, черные глаза. Говорятъ, что въ Москвѣ, на счетъ бабушкиныхъ дѣтей, сложена была пѣсня, начинающаяся

«Кто хочетъ съ ума сойти,
Тотъ по Пречистенкѣ пройди» и т. д.

---

[1]) Екатерина Гавриловна 16-ти лѣтъ вышла замужъ за А. Арсеньева, который былъ старше ея на 20 лѣтъ. Она была красавица во всемъ смыслѣ слова. Съ мужемъ была очень несчастлива и скончалась лѣтъ 30-ти не болѣе.

Старики, какъ князь Петръ Петровичъ Оболенскій, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ и другіе, въ тридцатыхъ годахъ съ восторгомъ мнѣ говорили о красотѣ моей матери и ея сестеръ. Одна только, меньшая изъ всѣхъ сестеръ, Александра Гавриловна, по мужу Рóславлева, была мала ростомъ и, несмотря на большіе черные глаза, некрасива собой; но эту тётку мы обожали, до того она была добра, весела, остроумна и ласкова къ намъ, дѣтямъ. Сестра ея старшая, Анна Гавриловна Панкратьева, молодая скончалась, оставивъ четырехъ сиротъ. Александра Гавриловна, ходившая за сестрой во время ея болѣзни и присутствовавшая при ея смерти, взяла на свое попеченіе всѣхъ четырехъ ея дѣтей, двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, пеклась о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ, обожала ихъ до страсти, а они любили ее, какъ родную мать.

Тётушка Александра Гавриловна была замужемъ за вдовцемъ, у котораго были двѣ дочери: Марья [1]) 17 лѣтъ и Софья 13 лѣтъ [2]). Своихъ дѣтей у тётушки не было. Съ падчерицами ей было много хлопотъ, особенно съ Марьей, которая была очень своевольна.

Говоря о тётушкѣ Александрѣ Гавриловнѣ, не могу умолчать о большой странности, хорошо извѣстной всей ея семьѣ. Какъ ни смѣшно въ нашъ вѣкъ объ этомъ говорить, но она замѣчательно вѣрно гадала по картамъ. Раскладывала она ихъ по методѣ Le Normand [3]), знаменитой гадальщицы, которой вѣрилъ такъ слѣпо Наполеонъ I. Всѣ карты раскладывались какъ-то полукругомъ на столѣ, потомъ что-то по нимъ считалось. Гадая такимъ образомъ, тётушка вѣрно предсказала всѣ событія, совершившіяся въ семьѣ, въ томъ числѣ смерть сестры Анны Гавриловны Панкратьевой, замужество племянницъ, свое замужество и смерть; также замужество старшей племянницы Екатерины Никитичны Панкратьевой, ею воспитанной и вышедшей замужъ уже послѣ смерти тётки, но согласно ея предсказаніямъ, за свѣтлѣйшаго князя Александра Карловича Ливена.

Дѣдушка Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ владѣлъ пятью тысячами душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Числа десятинъ обладаемой имъ земли онъ, вѣроятно, самъ не зналъ: въ то время считалось только число душъ человѣческихъ, т. е. мужскихъ, въ женщинахъ души не признавали, да и до сихъ поръ не признаютъ.

По зимамъ живалъ дѣдушка въ Москвѣ, въ Пречистенскомъ домѣ, куда ежедневно и при немъ и послѣ его смерти къ бабушкѣ пріѣзжали всѣ дѣти, племянники и племянницы родные, двоюродные и прочіе. Если-бъ день прошелъ и кто либо изъ нихъ не явился, тотчасъ получилъ бы выговоръ. Да и въ голову никому бы не пришло уклониться отъ долга, развѣ только по болѣзни.

---

[1]) Марья вышла замужъ за извѣстнаго поэта Огарева, друга А. И. Герцена; ей было тогда далеко за 20 лѣтъ.

[2]) Софья очень молодая вышла за Каракозова. Одно время сестра жила у нея.

[3]) Ле Норманъ.

Дѣти бабушкины, едва родившіяся, уносились немедленно въ мезонинъ, гдѣ кормили ихъ привезенныя изъ деревень крѣпостныя бабы-кормилицы, а воспитывали няньки, также изъ крѣпостныхъ. Были и гувернантки-иностранки. Закону Божію обучалъ приходскій священникъ. Пока дѣдушка былъ живъ, онъ слѣдилъ за уроками, даже нѣкоторые уроки старшимъ двумъ дочерямъ давались при немъ, въ его кабинетѣ. Но послѣ него врядъ ли кто о нихъ заботился. Изъ всѣхъ дочерей одна матушка опередила свой вѣкъ. Она мнѣ говорила, что умный и образованный отецъ ея, котораго она лишилась на четырнадцатомъ году отъ рожденія, до тѣхъ поръ постоянно держалъ ее при себѣ, и что его вліянію она обязана любовью своей къ наукѣ [1]).

Съ молодыхъ лѣтъ матушка усердно училась сама, а впослѣдствіи обучала меньшихъ сестеръ и брата Илью: они всѣ ее любили и уважали болѣе какъ мать, нежели какъ сестру. Этому и я была свидѣтельницей. Будучи молодой дѣвушкой, матушка читала всѣ тогдашнія историческія и философскія книги, за что и выносила немало насмѣшекъ отъ родныхъ. Конечно, это было уже послѣ смерти любившаго ее образованнаго отца.

Матушка была религіозна, но понимала христіанскую вѣру во всей чистотѣ: суевѣрій у нея не было вовсе. Эта черта ея характера въ семьѣ не нравилась. Вѣдь то, о чемъ я пишу, относится къ концу восемнадцатаго и къ началу девятнадцатаго вѣка.

Когда матушка по воскресеньямъ и праздникамъ ходила къ обѣднѣ, то старыя и молодыя родственницы тутъ же пересмѣивались между собой:

— Вотъ нашъ Волтеръ идетъ.

Кличка «Волтеръ» была у нихъ браннымъ словомъ. Но матушку не смущали эти насмѣшки и пересуды: она продолжала твердо итти своимъ путемъ.

У дѣдушки и у бабушки строго соблюдались посты. Не только по установленнымъ большимъ постамъ, но и по средамъ и пятницамъ скоромнаго не подавали. Матушкѣ ставили въ непростительный грѣхъ то, что желудокъ ея не выносилъ постнаго масла. За постнымъ столомъ она ѣла только гречневую кашу съ квасомъ. Но въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году не принимать теплой пищи было слишкомъ трудно молодому организму. Иногда, бывало, она въ своей комнатѣ и оскоромится. Боже, какой грѣхъ!

При жизни дѣдушки и послѣ него вся семья проводила лѣто въ подмосковномъ селѣ своемъ Гребневѣ. Домъ тамъ былъ огромный, каменный, окруженный большими садами, среди которыхъ выкопаны

---

[1]) У нея къ тому же была воспитательница, очень образованная француженка-эмигрантка изъ высшаго круга, съ которой она усердно занималась. Къ сожалѣнію, имени ея не помню.

были огромные пруды съ нѣсколькими на нихъ островами, а на островахъ также разбиты сады и выстроены бесѣдки. Но дѣти этими прелестями не пользовались. Когда пріѣзжали гости изъ сосѣдства или изъ Москвы, тогда запрягали линейки, ѣздили всѣмъ обществомъ по широкимъ дорожкамъ сада, на паромѣ переправлялись на острова и въ бесѣдкѣ чай пили. Кромѣ этихъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, никогда не позволяли дѣтямъ, особенно дочерямъ, выходить въ садъ. Объ окрестностяхъ же Гребнева матушка не имѣла никакого понятія. Грустное дѣтство! грустное лѣто проводили тамъ дѣти и молодыя дѣвушки, точно за монастырской стѣной!

У дѣдушки въ селѣ Гребневѣ выстроенъ былъ въ саду театръ со сценой, кулисами и всякими приспособленными къ нимъ декораціями. Тутъ игралъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ [1]); давались балеты, гдѣ фигурировали крѣпостныя же танцовщицы, для обученія которыхъ выписывались учители музыки и балетмейстеръ. При нравахъ восемнадцатаго столѣтія эти забавы казались вполнѣ естественными.

Матушка помнила, какъ бабушка, въ угоду мужу, беременная на сносѣ, становилась на колѣни на полу и прикалывала цвѣты къ юбкамъ доморощенныхъ танцовщицъ.

Тотъ же танцмейстеръ, обучающій крѣпостныхъ артистовъ, давалъ уроки и барскимъ дѣтямъ.

«Мы»,—говорила матушка,—«учились танцовать съ четырехлѣтняго возроста и обучались танцамъ систематически, какъ наукѣ. Я, пяти лѣтъ, исполняла соло въ балетѣ, на домашней сценѣ.

«Когда, позднѣе, я взрослой дѣвицей выѣзжала въ свѣтъ, то набирались пары четыре, не болѣе, умѣющія танцовать французскую contredanse со всѣми балетными па. Тогда все бальное общество окружало насъ; старики бросали карты, многіе становились на стулья, чтобъ лучше видѣть: всѣ смотрѣли на эту кадриль, какъ на сценическое представленіе. Подъ конецъ танца раздавались дружные апплодисменты танцующимъ. Часто на балахъ танцовали то, что лучше кто умѣлъ: менуэтъ, гавотъ, pas de châle и прочіе характерные танцы, а остальное общество въ видѣ зрителей окружало дѣйствующихъ лицъ».

Графъ Алексѣй Орловъ, будучи въ немилости у двора, проживалъ въ Москвѣ отъ 1802 до 1809 года. Онъ давалъ для единственной дочери своей, Анны, балы, куда съѣзжалось все великосвѣтское московское общество: бывала, конечно, у него бабушка съ дочерьми. У самого же единственнымъ удовольствіемъ было мчаться по московскимъ улицамъ на бѣшеныхъ своихъ рысакахъ, которыми всегда самъ правилъ. Завидя его издали, всѣ сворачивали съ дороги.

---

[1]) Изъ нихъ нѣкоторые отпущены были на волю и впослѣдствіи сдѣлались извѣстными артистами.

— «У Орлова»,—разсказывала матушка,—«поразили меня окна дома: въ нихъ зимой стекло вставлено было маленькое, только посреди рамы, а кругомъ все окно было обито войлокомъ. Бальная зала и гостиныя освѣщены были сальными свѣчами. Въ то время лампъ еще не было, но балы вездѣ освѣщались восковыми свѣчами. Гостей у Орлова была толпа, угощеніе роскошное, а свѣчи—сальныя!

«Однажды на балу у Орлова попросили одну изъ московскихъ красавицъ, жену его незаконнаго сына, протанцовать «pas de châle»[1]). Она согласилась и, ставъ посреди залы, будто невзначай, выронила гребень, удерживавшій ея волосы. Роскошные, какъ смоль, черные волосы разсыпались по плечамъ и скрыли станъ ея почти до колѣнъ. Всѣ присутствующіе вскрикнули отъ восторга и умоляли ее исполнить танецъ съ распущенными волосами. Она только того и хотѣла; исполнила танецъ при общихъ рукоплесканіяхъ.

— «Анна!—закричалъ Орловъ дочери,—распусти волоса̀ и протанцуй па-де-шаль!

«Ослушаться отца-Орлова было немыслимо. Несчастная ушла съ нами въ свою комнату и, обливаясь горючими слезами, стала снимать фальшивую косу и расплетать жиденькія свои косички. Графиня Анна была некрасива и вовсе неграціозна, и она вполнѣ это сознавала. Волоса ея, распущенные, казались еще жиже, еще мизернѣе. Съ красными отъ слезъ глазами, съ распухшими вѣками возвратилась она въ бальную залу и, по приказанію отца, протанцовала «pas de châle». Послѣ красавицы, ей предшествовавшей, она показалась еще хуже, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ. Очень мнѣ было ее жаль».

Графъ Алексѣй Орловъ вообще обращался[2]) съ дочерью деспотически, по-старинному. Когда пріѣзжалъ къ нему утромъ гость—мужчина, которому онъ радъ былъ, онъ тотчасъ, бывало, кричитъ:

— Зовите сюда Анну!

Робко является она къ отцу.

— Анна! дорогой гость пожаловалъ! Мой для него полъ! Для дорогого гостя — полъ мыть!

И, несмотря на смущеніе и протестъ гостя, Орловъ кричалъ:

— Дочери не пожалѣю!

Несчастная графиня[3]) приносила полотенце, воды и сама полъ мыла въ гостиной.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

---

[1]) «Па-де-шаль»—соло, танцуется съ легкимъ газовымъ шарфомъ въ рукахъ: танцующая то обмотывается имъ, то распускаетъ его.

[2]) Разсказы современниковъ.

[3]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова не захотѣла замужъ итти и, послѣ смерти отца, посвятила себя вполнѣ молитвѣ и добрымъ дѣламъ, надѣясь святостью жизни искупить грѣхъ отца и вымолить у Бога спасеніе души его. Она много жертвовала по церквамъ. Большія имѣнія и конный заводъ завѣщала Казаковымъ.

Кромѣ характерныхъ танцевъ, въ то время танцовали на балахъ польскіе, экосезы, русскіе кадрили и манимаску. Эту манимаску никто теперь не помнитъ, и нигдѣ не читала я, чтобъ о ней упоминали; поэтому позволю себѣ небольшое отступленіе и запишу здѣсь, какъ я съ ней ознакомилась.

Въ 40-хъ годахъ я была уже замужемъ и матерью семейства. Два изъ сосѣднихъ дома, гдѣ были дѣти ровесники моимъ, сложившись со мной, согласились выписать на лѣто изъ Москвы въ деревню танцмейстера для обученія нашихъ дѣтей разнымъ танцамъ. По отъѣздѣ учителя и его скрипача, стали даваться у насъ танцовальные вечера, гдѣ я исполняла роль тапёра, а иногда замѣнялъ меня скрипачъ Потапъ Егорычъ, старикъ, бывшій крѣпостнымъ артистомъ сосѣда нашего Огарева [1]), разорившагося на садахъ и доморощенныхъ музыкантахъ. Сады были великолѣпны, оркестръ черезчуръ плохъ. Старику Потапу въ сороковыхъ годахъ нашего девятнадцатаго столѣтія было 80 лѣтъ, но онъ неутомимо и фальшиво могъ проигрывать цѣлыя ночи сряду. Иногда затѣемъ безумный гроссъ-фатеръ по всему двухъэтажному нашему никитскому дому: Потапъ идетъ за нами по лѣстницамъ и коридорамъ, играетъ не-

---

[1]) Сады у Огарева были чудные, съ большимъ вкусомъ посаженные и роскошно содержавшіеся, не по средствамъ хозяина-помѣщика. Онъ запрудилъ рѣчку Рыхотку, впадающую въ Донъ, и провелъ ее въ садъ. Тутъ, вмѣсто газона, былъ у него «Флоринъ лугъ», весь усаженный цвѣтами; гора была вся устлана дерномъ; тутъ были и лѣсочки, и развалины, и мостики, и бесѣдки, а на рѣчкѣ купальня стеклянная!

Попали мы къ Огареву неожиданно. Это было, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ, я была еще ребенкомъ. Мы съ матушкой ѣхали изъ села Сергіевскаго къ двоюродной сестрѣ ея, Толстой, рожденной княжнѣ Кутузовой-Смоленской, и сбились съ дороги. Послали въ господскій домъ просить провожатаго. Выходитъ самъ старикъ Огаревъ и проситъ матушку осчастливить его, войти къ нему отдохнуть. Отказать ему было бы неучтиво. Мы вышли изъ кареты. Хозяинъ повелъ насъ въ садъ свой. Лишь только матушка вошла въ него, какъ за кустами грянула музыка, и невидимый хоръ запѣлъ:

«Здравствуй, милая, пригожая моя!
Чернобровая, красавица душа!»

Матушка съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Этотъ оркестръ и хоръ перебѣгали по лѣсочкамъ и незримые сопровождали насъ во все время прогулки.

Огаревъ, кромѣ сада и оркестра, до-нельзя фальшиваго, хвастался еще тѣмъ, что когда онъ во всякое время дня закричитъ: «Подавайте чаю!»—тотчасъ являлся лакей съ подносомъ и налитыми чашками чая. Дѣло въ томъ, что чайникъ съ чаемъ весь день прѣлъ въ кухонной печи и, по приказанію барина, немедленно разливался въ чашки и подавался гостямъ. Но что это было! Въ ротъ его взять не было возможности!

Матушка любила чай и понимала въ немъ толкъ; она тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло, и отказалась отъ поданнаго напитка за себя и за насъ. Но несчастная наша англичанка Сарра попалась на удочку. Мы забавлялись гримасами, которыя она исподтишка строила, глотая отвратительный настой.

Теперь наслѣдники Огарева вырубили роскошный садъ, а Рыхотка вернулась къ прежнему теченію.

умолкая. Однажды, какъ-то бѣжимъ мы ужъ слишкомъ скоро подъ веселый темпъ гроссъ-фатера. Потапъ сорвался съ верхней ступеньки и покатился внизъ на спинѣ, скрипки же изъ рукъ не выпустилъ и, катясь, продолжалъ пилить свой гроссъ-фатеръ!

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ пріѣзжаетъ къ намъ дядя Матвѣй Матвѣевичъ Муромцевъ, мужъ сестры моей матери, Варвары Гавриловны. Въ свое время дядя былъ блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, адъютантомъ Ермолова, раненъ пулей при Кульмѣ и украшенъ кульмскимъ крестомъ. Танцовалъ онъ отлично, какъ и всѣ свѣтскіе молодые люди той эпохи. Онъ до старости сохранилъ свой веселый характеръ, и мы всѣ его очень любили. Ему тогда было за 60 лѣтъ.

— Что вы тутъ танцуете, дѣти? — закричалъ онъ. — Давайте-ка я васъ поучу манимаскѣ!

— Поучите! поучите, дядя! — закричали мы хоромъ.

Но тутъ лица у всѣхъ вытянулись.

— Кто-жъ, дядюшка, сыграетъ намъ манимаску? Музыка къ ней уже не существуетъ!

Вдругъ блеснула мнѣ счастливая мысль.

— Потапъ! — кричу я ему изо всѣхъ силъ, потому что онъ былъ глухъ: — Потапъ! умѣешь ты играть манимаску?

— Умѣю, сударыня.

Мы захлопали въ ладоши. Допотопный скрипачъ помнилъ допотопную манимаску.

Дядя разставилъ пары, взялъ меня своей дамой, дирижировалъ при всеобщемъ хохотѣ, и пошла манимаска, какъ по маслу. Это было что-то въ родѣ кадрили, съ вальсомъ и разными затѣйливыми фигурами. Шестидесятилѣтній дядя вальсировалъ вдвое лучше молодыхъ кавалеровъ, но вальсироналъ въ три темпа, а не въ два, какъ тнцовали [1]) въ 1890 году.

V.

Обычаи, нравы и моды начала нынѣшняго столѣтія. — Фуро. — Прически. — Карики. — Рога изъ фальшивыхъ волосъ. — Незаконныя дѣти. — Меледа. — Parfilage de l'or. — Куреніе.

На домашнемъ театрѣ въ селѣ Гребневѣ игрывали дѣти дѣдушкины съ двоюродными сестрами и братьями: играли болѣе всего французскія пьесы, какъ-то «La gageure imprèvue», а иногда и нѣкоторыя комедіи Мольера.

---

[1]) Въ 1896 году два темпа въ вальсѣ считаются отсталыми. Три темпа — опять въ модѣ. «Dans les modes il n'y a de neuf que ce qui est oublié (въ модахъ ново только то, что позабыто).

Удивляюсь, какъ это занятіе, называемое благороднымъ спектаклемъ, которое не далѣе какъ въ наше время, т. е. въ 1881 году, многіе осуждали, какъ предосудительное для молодой дѣвушки, тогда въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, свободно дозволялось молодежи. А тогда въ Россіи куда какъ строже нынѣшняго соблюдали всѣ приличія! Молодыхъ дѣвушекъ держали немного лучше ихъ бабушекъ, чуть ли въ терема не запирали!

Матушка разсказывала, что за обѣдомъ онѣ, взрослыя, не смѣли громко говорить, а смѣяться—избави Богъ! Бабушка тотчасъ бросала на нихъ грозные взгляды, неминуемые предвѣстники послѣобѣденной бури, строжайшаго выговора и приговора.

«Обѣденный столъ былъ у насъ ежедневно человѣкъ на тридцать», разсказывала матушка. «Я и невѣстка Лиза, жена старшаго брата моего Павла, были очень смѣшливы; нарочно усядемся на самый конецъ стола, подальше отъ предсѣдательскаго мѣста матушки, чтобы не попасть впросакъ. А братья родные и двоюродные, какъ нарочно, усядутся около насъ и смѣшатъ во все время обѣда. Мы сидимъ ни живы ни мертвы. Особенно одинъ изъ нихъ умѣлъ, скорчивъ самое серьезное лице, нести такую смѣшную чепуху, что мы невольно расхохочемся; а онъ на насъ строго смотритъ, плечами пожимаетъ, головой качаетъ, а свое все несетъ. Видимъ, матушка грозно на насъ глядитъ... Бѣда! что тутъ дѣлать? Начнешь сморкаться, притворишься, что кровь носомъ пошла, встанешь со стула и скорѣе уйдешь. Невѣстка Лиза даже ухитрялась добиться, что при неминуемой гибели у нея дѣйствительно кровь носомъ шла. Почти ни одного обѣда не обходилось, чтобъ она или я не убѣгали изъ-за стола. Такъ не ѣвши и оставались. А братья-шалуны тому и рады».

Когда матушка была ребенкомъ, она и сестры ея надѣвали на парадныхъ праздникахъ парчевыя и газовыя фуро̀ [1]), вышитыя золотомъ и серебромъ, а въ будни у нихъ были два фуро ситцевыя, изъ которыхъ одно мылось, а другое носилось. Въ воскресные дни надѣвали бѣлое каленкоровое фуро. Въ то время была еще въ модѣ пудра для волосъ: матушка помнила, какъ ихъ, дѣтей, ежедневно мучилъ крѣпостной парикмахеръ Глазовъ[2]), взбивалъ букли, жирно напомаживалъ ихъ, а потомъ пудрилъ.

«Отъ этой пудры», говорила матушка, «у самыхъ чистоплотныхъ заводились въ волосахъ паразиты. Насъ ежедневно вычесывали чистымъ гребнемъ, но избавились мы отъ паразитовъ только тогда, когда избавились отъ пудры».

«Моя мать», продолжала матушка, «была большая щеголиха. Мы,

---

[1]) Fourеau»—платье широкое, въ родѣ блузы.

[2]) Глазовъ впослѣдствіи получилъ вольную, имѣлъ свой магазинъ и большую въ Москвѣ практику. Глазова и я еще помню старикомъ.

старшія, всегда присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ. Ежедневно въ продолженіе двухъ часовъ вычесывала она пудру изъ длинныхъ своихъ черныхъ волосъ. Передъ ней горничная держала серебрянный тазъ; въ этотъ тазъ вмѣстѣ съ пудрой сыпались паразиты. Они были такимъ нормальнымъ явленіемъ, что никто ими не стыдился и не стѣснялся. Помню, какъ на званомъ обѣдѣ у моего отца одинъ изъ гостей, молодой человѣкъ въ расшитомъ золотомъ бархатномъ кафтанѣ, почесалъ у себя въ напудренной головѣ, досталъ оттуда паразита и тутъ же подъ столомъ его раздавилъ. Никто этому не удивился и не погнушался».

Бабушка, по словамъ матери моей, всегда въ молодости носила шелковыя платья атласныя, бархатныя, гро-де-туровыя[1]) и проч. Для выѣзда въ саняхъ у нея была узкая, по таліи, шубейка изъ соболей, крытая парчей или глазетомъ; на головѣ шапочка изъ золотой парчи, съ собольей оторочкой. Этотъ нарядъ въ концѣ прошлаго восемнадцатаго столѣтія былъ въ большомъ употребленіи.

Въ началѣ же девятнадцатаго столѣтія стали молодыя женщины носить для осеннихъ выѣздовъ карики изъ казимира, родъ мягкаго, тонкаго сукна; они шились узкіе по таліи, съ пелеринкой. Когда выѣзжали на балъ, надѣвали легкія газовыя или крѣповыя платья, иногда вышитыя шелками, золотомъ и серебромъ. Лифы носили короткіе, платья узкія, слѣдуя французскимъ модамъ временъ революціи. Башмаки на балъ надѣвались открытые, низкіе, безъ каблуковъ, изъ цвѣтнаго сафьяна, иногда зеленаго или краснаго; чулки всегда шолковые. По случаю короткихъ платьевъ вся нога была на виду.

«Прическу», разсказывала матушка, «каждая изъ насъ, дѣвушка или замужняя женщина, носила, какую ей вздумается, смотря по тому, какая ей была къ лицу, что очень способствовало разнообразію ихъ красоты. Многія молодыя женщины, слѣдуя парижской модѣ, остригли себѣ волосы и завивали ихъ «à la victime» или à la Titus», какъ вы видите на современныхъ портретахъ. Одна изъ изъ московскихъ красавицъ, замужняя графиня N***, никогда не носила другого головнаго убора, кромѣ платка, повязаннаго на головѣ концами назадъ, какъ носятъ крестьянскія бабы. На балѣ этотъ платокъ былъ газовый цвѣтной, иногда вышитый золотомъ или шелками, иногда парчевый или глазетовый. Она находила, что никакой уборъ не соотвѣтствовалъ лучше ея красотѣ, какъ эта повязка, и никто не подумалъ осуждать въ ней этой оригинальности».

Не могу забыть, какъ въ 1835 году, когда я, пишущая эти воспоминанія, выходила замужъ, въ Москвѣ обязательно было каждой женщинѣ, замужней или дѣвушкѣ, надѣвать на самую маковку два

---

[1]) Gros de Tours.

безобразные изъ фальшивымъ волосъ рога [1]). Поэтому въ театрѣ можно было счесть число женщинъ по числу этихъ отвратительныхъ паръ роговъ!

Тогдашнія же барыни аристократки не занимались рукодѣльемъ по примѣру прабабушекъ своихъ, сидѣвшихъ за прялками въ высокихъ теремахъ. И чтеніемъ онѣ не особенно интересовались; матушка моя была въ свое время рѣдкимъ исключеніемъ. У бабушки моей и у свекрови я видала игру меледу, которой онѣ занимались. Меледà состоитъ изъ вилочки съ соединенными закругленными концами: на этой вилочкѣ надѣто извѣстное число колецъ, которыя слѣдуетъ то вздѣвать на вилочку, то снимать съ нея, для чего, если постоянно этимъ заниматься, то требуется нѣсколько сутокъ времени. Еще игрывали въ плоское, сплошное колесо, размѣра двухъ съ чѣмъ-то вершковъ, которое посредствомъ шнурочка то поднималось, то опускалось: эти колесики дѣлались изъ разнаго матеріала, какъ-то чернаго дерева, слоновой кости, иногда украшались драгоцѣнными каменьями. Но самымъ модным занятіемъ было «le parfilage de l'or», т. е. свѣтскія дамы дома и даже на званыхъ вечерахъ занимались тѣмъ, что распускали золотое шитье поношенныхъ мундировъ и кафтановъ, отдѣляя чистое золото отъ шелка, на которомъ оно было обвито, и это золото потомъ обмѣнивали въ магазинахъ на другой товаръ. Мужчины, ухаживающіе за молодыми дамами, пользовались этой модой, чтобъ дѣлать имъ иногда очень цѣнные подарки, которые легкомысленныя красавицы принимали безъ зазрѣнія совѣсти.

«Я видѣла», говорила матушка, «какъ молодые люди приносили для «parfilage'а совершенно новые воротники, золотомъ шитые, и даже вещицы, видимо только что купленныя изъ магазина и стоящія по нѣсколько сотъ рублей. Какимъ образомъ рѣшались молодыя женщины хорошихъ семей принимать такіе дорогіе подарки? Но мода все извиняла»...

Мужчины играли въ вистъ, «ombre» (омбръ) [2]). Женщины въ карты не играли, по крайней мѣрѣ, рѣдко: въ карты только гадали.

«Въ началѣ нашего столѣтія», продолжала мать, «во время рѣдкихъ моихъ прогулокъ съ гостями внѣ ограды садовъ, я иногда издали видѣла садоваго сторожа, отставного солдата, сидящаго за каменной оградой у воротъ и курящаго изъ короткой трубочки, но лишь завидитъ онъ издали господъ, трубка его немедленно исчезала. Въ домѣ же никто никогда не курилъ. Считали это чѣмъ-то несообразнымъ, невозможнымъ. Какое же было удивленіе, ужасъ, ко-

---

[1]) Называли ихъ: Noeuds d'Apollon.

[2]) Отъ этой игры «l'ombre» (л'омбръ) просходитъ названіе: ломберный столъ или карточный.

гда, послѣ кампаніи 1812-го года, мои братья вернулись съ чубуками и трубками! Мать и слышать объ этомъ не хотѣла, но въ своихъ комнатахъ братья курили, а мы, сестры, понемногу привыкли къ этому безобразію».

Часто я думала: что бы сказала матушка, увидавъ меня и сестру мою Лизу курящими пахитосу или папиросу?

Е. Раевская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).